

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА
И ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУКАХ

Очередной, уже пятнадцатый по счету номер журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» представляется примечательным в целом ряде отношений. Как легко сможет убедиться читатель, неуклонно растет число авторов публикаций и расширяется диапазон представляемых ими научных и учебных заведений. Так, наряду с нашими коллегами из Северо-Западного института управления, а также с учеными из Высшей школы экономики, сотрудничество с которыми становится доброй традицией, на страницах журнала опубликованы работы представителей научных школ Института государства и права РАН, Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Несмотря на изменение геополитической обстановки, мы прилагаем усилия для развития международных связей в целях максимального включения российского юридического дискурса в широкий интернациональный контекст. Результатом стала публикация статьи, любезно предоставленной Северо-Западным институтом политики и права (г. Сиань), привлекающей внимание к актуальным проблемам и ведущим тенденциям современной китайской юридической науки. Многогранной и разноплановой является также тематика исследований, размещенных на страницах журнала.

К числу наиболее интересных проблем, получивших свое освещение в настоящем выпуске, относятся рецепция категории *res publica* в византийском праве (Ю. Я. Вин), философско-правовые аспекты понятия справедливости (Ф. П. Фурман), эволюция принципа свободы труда в исторической ретроспективе (Д. В. Ахметьянов), проблемы реализации справедливости в деятельности участников отношений, регулируемых нормами гражданского права (Г. В. Цепов, Д. А. Семяникова), морально-нравственные основы законодательства о цифровой экономике (Е. Н. Абрамова), исполнение налоговых обязанностей в условиях цифровой трансформации имущественных отношений (О. И. Лютова), защита прав обвиняемого в уголовном процессе (Бу Яньян), а также многие другие вопросы.

Таким образом, на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» получает достаточно последовательную реализацию заявленное в свое время намерение стремиться к всестороннему исследованию феноменов правовой реальности в их системной взаимосвязи, руководствуясь фундаментальными философско-правовыми идеями и сложившейся постклассической парадигмой общей теории права¹. Одним из важнейших достоинств такого подхода является, по нашему мнению, его целостность (которую, если угодно, можно называть холизмом), позволяющая рассматривать насущные в практическом плане вопросы сквозь призму мировоззренческих установок, избегая тем самым досадной фрагментации правового познания, которая выступает яркой приметой современного «клипового» мышления, в том числе мышления юридического. Безусловно, целостность, о которой идет речь, не представляет собой попытку утверждения некоего «единственно верного» учения о праве, поскольку плюрализм правопониманий, особенно в плане их теоретико-методологических оснований, является неустрашимым и плодотворным свойством науки о праве.

Указанную особенность любых гуманитарных концепций справедливо отмечает А. В. Поляков: «Каждая теория находит свои аргументы и контраргументы. В конечном счете предпочтение той или иной теории отдается специалистами и читателями зачастую не целиком, а “по частям”; признаются не только и не столько сами выводы, сколько подходы к ним, не вся система аргументации, а те или иные аргументы, которые “встраиваются” в собственную картину мира, опирающуюся на определенные ценности, эстетику и психологию восприятия действительности»². Представляется, что предпосылки этого плюрализма миропониманий кроются в самой онтологической структуре реальности, каждый регион которой, будучи относительно автономным, укоренен в различных видах познавательной, творческой и практической деятельности субъектов, конституирующих соответствующие регионы, исходя из сущностных характеристик последних.

Вот почему не только в науках о культуре, предметным планом которых выступает сфера духовных явлений, но также в математике и в иных отраслях точного знания, использующего метаязык, пригодные для описания природных объектов, проблема аксиоматических оснований остается нерешаемой в силу наличия парадоксов, связанных с неопределенностью любой полностью формализованной теории. Долгое время подобные парадоксы, ограничивающие эффективность основных метаматематических концепций (например, знаменитые парадоксы лжеца и брадобрея, сформулированные еще античными логиками, а также парадокс трансфинитных множеств, ставший специфическим выводом из наивной теории множеств Г. Кантора), рассматривались в качестве либо софизмов, либо чисто технических несовершенств, устраняемых по мере дальнейшей формализации метаматематических высказываний. Как известно, одним из первых ученых, предложивших развернутую программу такой формализации, был Д. Гильберт³.

¹ См.: *Разуваев Н. В.* Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2019. № 1. С. 6.

² *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву. Труды Института государства и права РАН, 2021. Т. 16. № 6. С. 41–42.

³ См.: *Гильберт Д.* Основания геометрии. М.; Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948. С. 366.

Последовательную попытку превращения метаязыка математики в набор формул, теоретически доступных любому, даже не сведущему в специальных проблемах, человеку, предпринял Никола Бурбаки, в знаменитом *opus magnus* которого содержалась амбициозная претензия, а точнее — известная психологическая установка на то, что чтение данного трактата «не предполагает в принципе никаких специальных математических знаний, а требует лишь некоторого навыка к математическим рассуждениям и некоторой способности к абстракции»⁴. Вскоре, однако, обнаружилось, что система Бурбаки, при всей продуктивности многих ее содержательных моментов, в целом потерпела явную неудачу. Это стало наглядным свидетельством невозможности последовательной аксиоматизации математического дискурса и устранения связи последнего с эмпирическими элементами, которые выступают, с одной стороны, источниками парадоксов, но с другой — конститутивными атрибутами метаматематики как формальных систем, сигнализирующими об их сущностной неполноте⁵.

Неслучайно в настоящее время основания математики в качестве раздела математической науки характеризуются комплементарностью конкурирующих исходных моделей (а именно системы аксиом Цермело — Френкеля, развивающих теорию множеств Кантора, гильбертовского формализма, логицизма Рассела — Фреге и конструктивистской теории), каждая из которых позволяет выводить те или иные частные теории, дополняющие множество других в едином континууме математических высказываний. Вероятно, особенно результативной подобная комплементарность оснований математики становится при исследовании так называемых рекурсивных функций, которые, получив первоначально свое раскрытие и обоснование в рамках конструктивистской метаматематики, в дальнейшем стали рассматриваться в качестве универсальных соотношений, применяемых для описания любых объектов, включая первичные элементы (так называемые буквы) математического алфавита⁶.

Аналогичным образом и в правовом познании неустрашимым свойством следует считать множественность конкурирующих правопониманий, взаимно дополняющих друг друга в контексте постклассической теории права. Сторонники последней небезосновательно полагают, что именно данная парадигма позволяет устранить извечное противоборство юснатурализма, нормативизма, социологического правопонимания и психологической школы права, согласовав постулаты перечисленных доктрин на принципиально новых теоретико-методологических основаниях⁷. Тем самым может быть обеспечена необходимая аксиоматизация юридико-научного дискурса, способствующая исследованию с единых позиций всего комплекса актуальных проблем, стоящих как перед общей теорией права, так и перед отраслевыми юридическими дисциплинами⁸.

Представляется, впрочем, симптоматичным и то обстоятельство, что поиски «интегративного правопонимания» особенно активно велись на рубеже нынешнего столетия, когда на волне разочарования в объяснительных возможностях марксистско-ленинской общей теории государства и права у многих теоретиков возникло непреодолимое искушение заменить ее чем-то столь же всеобъемлющим, но при этом не столь идеологически ангажированным. Со временем стало понятно, что конструирование «интегративного правопонимания» сопряжено со значительными трудностями, неслучайно даже такой активный приверженец данной идеи, как В. Г. Графский, в своих последних работах стал обращать внимание на непреодолимые препятствия на пути к утверждению юридического интегративизма⁹, вполне сопоставимые по своей эпистемологической значимости с математическими парадоксами.

Заметим, что такое стремление к устранению противоречий между конкурирующими теориями характерно не только для юриспруденции, но и для любых наук, и становится преобладающим на определенном этапе их развития. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, достаточно привести ряд примеров, являющихся хрестоматийными. Так, существовавшая в римской юриспруденции классического периода конкуренция прокулианской и сабинианской школ, выступавших в функции релевантных для римской правовой традиции правопониманий, сменилась в начале постклассического периода поиском синтеза, результатом которого стало появление перечня наиболее авторитетных юристов (Гай, Ульпиан, Папиниан, Павел, Модестин), чьи суждения подлежали обязательному учету при рассмотрении дел в суде¹⁰.

С этим «позднеклассическим синтезом» в сфере юридического познания в истории античной лингвистики наглядно коррелирует последовательное согласование на более высоком уровне обобщения теоретических

⁴ Бурбаки Н. Теория множеств. М.: Мир, 1965. С. 19.

⁵ См. подробнее: Клини С. К. Введение в метаматематику. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 58 и след.

⁶ См.: Мартин-Лёф П. Очерки по конструктивной математике. М.: Мир, 1975. С. 31.

⁷ См. об этом: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. Правоведение, 2002. № 2. С. 4–16; Поляков А. В. Возможна ли интегральная теория права? Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. С. 114–119.

⁸ Последовательная и весьма интересная в содержательном отношении попытка комплексного изучения отраслевой юридической проблематики с позиций постклассического правопонимания была предпринята в относительно недавно вышедшей в свет монографии В. Ф. Попондопуло. См.: Попондопуло В. Ф. Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021.

⁹ См.: Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции. Журнал российского права, 2017. № 7. С. 19–24.

¹⁰ См.: Истоки и источники права: генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Алетей, 2022. С. 261–262.

позиций аномалистов и аналогистов в учениях грамматиков IV–V вв. Диомеда, Харизия и Присциана¹¹. Аналогичные интегративные позиции были присущи в позднеантичную эпоху и философскому мышлению, находившемуся под определяющим воздействием неоплатонизма, ставшего результатом объединения и творческой переработки основных философских течений эллинистического периода (прежде всего, стоицизма, аристотелизма и среднего платонизма)¹².

Современная интеллектуальная ситуация во всех ее проявлениях также характеризуется мощным стремлением к выработке интегративных подходов путем согласования основных позиций конкурирующих теорий, что, на наш взгляд, обусловлено не столько «воздействием легковесных постмодернистских умонастроений», как полагают некоторые исследователи¹³, сколько объективной потребностью в появлении новых эпистемологических парадигм в век постмодерна. В особо продвинутых областях гуманитарного знания, таких как лингвистика и филология, рассматриваемая тенденция наметилась задолго до того, как дискуссии о постмодернизме встали на повестку дня, а именно еще в минувшем столетии, когда на все гуманитарные науки оказало мощное воздействие структуралистское движение.

Применительно к языкознанию основные положения структурализма были сформулированы в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, со всей отчетливостью выдвинувшего два положения. По мнению ученого, язык в каждый момент своего развития представляет собой систему произвольных знаков, иерархическое строение которой проистекает из принципа двойного членения языка. Кроме того, историческое развитие, приведшее к текущему состоянию системы, по мысли Соссюра, является нерелевантной для правильного понимания этого состояния, ибо, пользуясь излюбленной соссюровской метафорой, для описания ситуации, сложившейся на шахматной доске, не обязательно знать ходы, приведшие к этой ситуации¹⁴.

Представляется, что подобные утверждения были направлены на последовательную элиминацию человеческого фактора в языке. Ведь в каждый отдельно взятый момент шахматной партии позиция на доске может рассматриваться как объективная данность, несмотря на то, что сама эта позиция может являться результатом действия множества субъективных факторов, включая ошибки шахматистов. Эту идейную черту соссюровского объективизма резко критиковали сторонники лингвистического идеализма, разделявшие точку зрения В. фон Гумбольдта, полагавшего, что язык любого народа представляет собой чистый процесс, деятельность (*энергейя*), а не ее результат (*эргон*)¹⁵. Следовательно, для объяснения природы человеческого языка необходимо, прежде всего, учитывать исторические, социально-психологические и цивилизационные особенности языкотворческой деятельности, образующие внутреннюю форму языка¹⁶.

Несложно заметить несколько обстоятельств, принципиально важных для правильного понимания текущей ситуации, сложившейся в сфере правового познания. В самом деле дихотомия идеализма и объективизма в той или иной степени характеризует онтологическую структуру, существующую не только в языке, но и в любых культурных феноменах, включая право. Так же, как язык, право имеет двойственную природу, представляя собой, с одной стороны, творческую деятельность (*энергейя*), развертывающуюся в пространствах жизненного мира участников правовой коммуникации, с другой — упорядоченную совокупность (систему) знаков, конструирующих правовую реальность, а также ее отдельные феномены. В зависимости от исходных идейно-мировоззренческих установок в юриспруденции, как и в лингвистике, одни теоретики вставали на позиции бескомпромиссного идеализма, а другие — столь же бескомпромиссного объективизма.

Так, представители юснатурализма, представители психологической школы права, а также сторонники некоторых версий правового реализма видели в праве только деятельность¹⁷, в то время как нормативисты рассматривали право исключительно как систему, лишенную всяческого динамического измерения¹⁸. Между тем в той же лингвистике с появлением генеративных теорий языка указанная антиномия во многом утратила актуальность, поскольку стало очевидно, что язык в различных своих ипостасях выступает как система или как жизненный мир, представляя собой не механическую совокупность указанных ипостасей, но их онтологическое живое единство.

Как писал Э. Косериу, «утверждение, что язык — это исторический объект, не исключает описание и теорию. Описание, история и теория не находятся в антитезе, не противоречат друг другу, они взаимодополняют друг друга и составляют единую науку. В особенности же не исключают друг друга — с точки зрения объекта — описание

¹¹ См.: *Мажуга В. И.* Диомед и Харизий о лексической норме. *Colloquia classica et indo-europaeica. II.* Классическое и индоевропейское языкознание / под ред. Н. Н. Казанского. СПб.: Алетейя, 2000. С. 74–85.

¹² См. подробнее: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 214.

¹³ *Графский В. Г.* Указ. соч. С. 20.

¹⁴ См.: *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 1999. С. 90.

¹⁵ См.: *Гумбольдт В. фон.* О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечества. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

¹⁶ О внутренней форме см., в частности: *Вайсбергер Л.* Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 1993.

¹⁷ См.: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022.

¹⁸ См.: *Дидикин А. Б.* Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2016.

и история; они несовместимы [только] как операции, то есть они являются различными операциями»¹⁹. Аналогичные соображения еще в 20-х гг. минувшего столетия высказывали представители кружка М. М. Бахтина, полагавшие, что язык (равно как и другие «идеологические» структуры) рассматривается в качестве объективной данности, обладающей чисто внешней принудительностью, лишь с точки зрения отдельного человека. С точки же зрения коллективной (то есть социальной в широком смысле) язык представляет собой творческое явление, подвижное и изменчивое в каждый момент времени²⁰.

Представляется, что по мере становления и развития постклассического правопонимания в теории права, а также в отраслевых юридических науках получает признание то обстоятельство, что право, учитывая его коммуникативную сущность, может рассматриваться в качестве *sui generis* языка. И подобно естественному языку, право в различных конкретно-исторических и социальных условиях может являться и системой знаковых средств, конструирующих правовую реальность, и жизненным миром индивидов, внутри которого разворачиваются процессы коммуникации, создающие право как систему. При этом нецелесообразно и контрпродуктивно, с исследовательских позиций, противопоставлять друг другу эти две ипостаси, решая достаточно схоластичный вопрос, какая из них является главной, а какая — второстепенной.

Представляется, что осознание сущностного единства системы и жизненного мира в правовом бытии обеспечит условия для сближения различных подходов к праву (как в плане общей теории, так и, что еще более важно, в отраслевых юридических доктринах), создав действенные предпосылки укрепления интегративного правопонимания в современной российской юриспруденции.

Николай Викторович Разуваев,
главный редактор

¹⁹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения). Новое в лингвистике. Вып. 3 / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 154–155.

²⁰ См.: Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993.